

Пречынка
А. А. Зеліну

САША
ЧЁРНЫЙ

СТИХИ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

«МАСТЫЦА»

К. ЧУКОВСКИЙ
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
О САШЕ ЧЁРНОМ

...Всё же мы встретились снова: помирили нас малые дети. Ибо почти одновременно он сделался детским писателем, а я — редактором детских альманахов и сборников.

Уже по первым его попыткам я не мог не увидеть, что из него должен выработаться незаурядный поэт для детей. Самый стиль его творчества, насыщенный юмором, богатый чёткими конкретными образами, тяготеющий к сюжетной новелле, обеспечивал ему успех у детворы. Этому успеху немало способствовал его редкостный талант заражаться ребячьими чувствами, начисто отрешаясь от психики взрослых. Поэтому, когда в 1912 году издательство «Шиповник» предложило мне составить альманах для детей «Жар-птица», одновременно с Алексеем Толстым и Сергеевым-Ценским я привлёк к участию в альманахе и его, Сашу Чёрного.

Он прислал мне два стихотворения — «Приставалку» и «Баю, кукла, баю-бай». Всё же отношения у нас оставались натянутыми. Это смущало меня — тем более что стихи его были не лишены недостатков, которые, в качестве редактора, я считал необходимым устранить. При тех отношениях, какие установились у нас в прежнее время, это было бы очень нетрудно, но теперь я долго колебался, прежде чем дерзнул написать ему о замеченных мною изъянах. Советуя ему внести в стихотворения кое-какие поправки, я просил

его не сетовать на меня за эти советы, ибо они вызваны исключительно интересами дела. Его ответ очень обрадовал меня. Оказалось, отстаивая текст «Колыбельной», он вполне согласился со мною по поводу своей «Приставалки» и коренным образом переделал её: сильно сократил и отчеканил.

«Я не только “Не сержусь”, — писал он, — но очень рад, что есть живой человек, который вместо отметок “хорошо-плохо” интересуется работой и по существу и в деталях».

В окончательном варианте «Приставалка» и сейчас восхищает меня своим лаконизмом и безупречно изящной структурой.

Впоследствии Саша Чёрный с таким же беззлобием принял мои редакторские замечания о стихотворении «Цирк».

«Эпитет “шершавой” промокашки, — писал он, — очень трудно заменить. Если хотите, пусть будет “чернильной” (как вы и подсказали), — пожалуй, так лучше.

Насчёт ударения в слове “волшебство” разрешите так:

Пупс не волшебник, господа,
Не бойтесь! Он, понятно,
Её без всякого вреда
Сам выплюнет обратно.

Заключительную строфу к “Цирку” вместо старой я Вам пришлю».

К сожалению, письмо запоздало, и «Цирк» был напечатан без авторской правки.

В 1916 году я, по приглашению Горького, составил сборник «Ёлка», для которой Александр Михайлович написал стихотворение «Трубочист». Мне оно показалось растянутым, о чём я написал ему со всей откровенностью.

«Относительно “Трубочиста”, — ответил он, — буду спорить: если вы после первых пяти строф напечатаете непосредственно последнюю, будет голова на ногах, без туловища... Я хотел немного приоткрыть дверь в таинственную (для детского глаза) жизнь трубочиста: у него тоже, как и у всех, есть дети, и не чёрные, как бы полагалось ему иметь, а беленькие; конечно, надо изменить: “спят, как два комочка”. Может быть: “как два щеночка”?

...Сказать просто, что он не страшный, — мало. Ребёнок не поверит.

Может быть, мне мало удалось то, что хотелось сказать.

Во всяком случае середины не выбрасывайте: лучше не печатайте совсем. Мне тема очень по душе, — и я бы её как-нибудь иначе обернул потом».

Это стихотворение и нынче печатается в первоначальной редакции. Мне кажется, оно скорее дошло бы до русских детей, если бы по прихоти автора трубочист не был изображён иностранцем с привычками заграничного жителя:

Рано утром на рассвете
Он встаёт и кофе пьёт,
Чистит пятна на жилете,
Курит трубку и поёт.

Странно читать про этого несомненного немца, что дети его спят на печи, словно в российской деревенской избе.

В 1914 году, незадолго до войны, Саша Чёрный написал «Живую азбуку», которая вышла тогда же в «Шиповнике». Там было одно очень неплохое двустишие:

Слон ужасно заболел, —
Сливу с косточкою съел.

Но в общем фактура стиха в этой книге оказалась до странности рыхлой и немощной.

Всё же, несмотря ни на что, детские стихи Саши Чёрного сыграли немаловажную роль в развитии литературы для детей. В ту пору в этой литературе всё ещё господствовал стиль пошлого журнала «Задуманное слово», тот самый, о котором Саша Чёрный написал когда-то эпиграмму «Сиропчик», посвящённую одной детской писательнице:

Дама, качаясь на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...»

Лучшие детские стихи Саши Чёрного прозвучали горячим протестом против этого приторного «сиропного» стиля.

В 1917 году, когда мне привелось редактировать выходящий приложением к «Ниве» журнал «Для детей», я привлёк Александра Михайловича к участию в этом журнале.

«Дай Вам бог сто лет жизни за вашу затею!» — писал он в ответ на моё приглашение. Прислал для журнала загадки с такой покладистой и благодушной припиской:

«Если пригодятся — хорошо, нет — бросьте под стол».

Наши отношения к тому времени сгладились, и мало-помалу его письма ко мне утратили прежнюю сдержанность.

«Прочёл недавно “Человека из Сан-Франциско” Бунина, — писал он мне в 17-м году, — и чуть не заплакал от радости. Вот вещь! После такого рассказа все Борисы Лазаревские должны поступить в кассы мелкого кредита».

Прочтя в моём журнале рассказ Куприна «Козлиная жизнь», Саша Чёрный отозвался о нём так:

«Рассказ Куприна милый, но есть вялость, и козёл как-то всё топчется на одном месте, точно мокрой ваты наелся».

Но тут же поспешил приписать:

«Если увидите его (Куприна), поклонитесь от меня. Я его очень люблю — и хорошего, и нехорошего, — как могут только любить хронические сатирики и так называемые пессимисты».

Передавая привет одному работнику издательства, он с тем же добродушием заметил:

«Из всех крокодилов, пожирающих писательское мясо, это самый симпатичный».

ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ НАШЛА СВОЕГО МИШКУ

Мишка, Мишка, как не стыдно!
Вылезай из-под комода...
Ты меня не любишь, видно?
Это что ещё за мода...
Как ты смел удрать без спроса?
На кого ты стал похож?
На несчастного барбоса,
За которым гнался ёж...
Весь в пылинках, в паутинках,
Со скорлупкой на носу...
Так рисуют на картинках
Только чёртика в лесу.
Целый день тебя искала —
В детской, в кухне, в кладовой,
Слёзы локтем вытирала
И качала головой...